УДК [811.161.1+811.161.21(477.87)]’373.46:27-23 DOI 10.37972/chgpu.2026.132.3.020

О. В. Шкуран

К ВОПРОСУ О РУССКО-РУСИНСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ ИЗ БИБЛИИ

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассматривается подкарпато-русинский язык как один из славянских микроязыков, на котором говорят русины в Закарпатской области Украины, а также в некоторых районах Восточной Словакии, Венгрии, Румынии и Польши. Он представляет собой восточнославянский диалектный континуум, который сохранил ряд архаичных черт и одновременно развил уникальные черты под влиянием контактов с другими языками. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического переосмысления текстологических расхождений между синодальным и древнеславянскими переводами, а также современными редакциями Библии, что позволяет выявить изменение смысла ключевых новозаветных концептов в русской религиозной традиции. Цель работы – на материале синодального перевода на русский язык Библии (1876 г.) и русинского перевода текста «Свѧщенноє Писанїє Нового Завѣта» на подкарпато-русинском языке с адаптированным текстом для подкарпатских русинов (2022 г.) проанализировать общие черты в фонетике, графике, лексике, синтаксисе, фразеологии, а также различия, обусловленные диалектными и геополитическими особенностями, и выявить русско-русинские параллели, позволяющие распределить слова и выражения из Библии по степени их межъязыкового сходства, структурно-семантической близости и функциональной эквивалентности. Выбраны такие методы исследования, как описательный, сопоставительный, методы лингвокультурологического анализа, компонентного и дистрибутивного анализа, приемы сплошной выборки материала из библейского текста, стилистической характеристики. Новизна исследования состоит в том, что русско-русинские параллели слов и выражений из Библии до сих пор не были объектом специального описания. Особое внимание уделяется отражению церковнославянского влияния и поиску типологических сходных конструкций. Исследование носит интегративный многоаспектный характер, потому что проводится в рамках современной лингвокультурологии.

Ключевые слова: *русский язык, синодальный перевод, подкарпато-русинский язык, архаизмы, церковнославянизмы, многоуровневые модели, схожесть, различия библеизмов*

O. V. Shkuran

ON THE QUESTION OF RUSSIAN-RUTHENIAN PARALLELS FROM THE BIBLE

RUDN University, Moscow, Russia

Abstract. This article examines Subcarpathian-Ruthenian as a Slavic microlanguage spoken by Ruthenians in the Transcarpathian region of Ukraine, as well as in parts of eastern Slovakia, Hungary, Romania, and Poland. It represents an East Slavic dialect continuum that has retained a number of archaic features while simultaneously developing unique characteristics under the influence of contact with other languages. The relevance of this study is due to the need for a critical reinterpretation of the textual discrepancies between the Synodal and Old Slavonic translations, as well as modern editions of the Bible, which allows us to identify changes in the meaning of key New Testament concepts in the Russian religious tradition. The aim of this work is to analyze common features in phonetics, graphics, vocabulary, syntax, phraseology, as well as discrepancies due to dialectal and geopolitical peculiarities, using the material of the Synodal Translation of the Bible into Russian (1876) and the Ruthenian Translation of the Holy Scripture of the New Testament in Subcarpathian-Ruthenian with an adapted text for Subcarpathian-Ruthenian (2022), and to identify Russian-Ruthenian parallels that allow us to categorize words and expressions

from the Bible according to their degree of interlingual similarity and functional equivalence. The following research methods were selected: descriptive, comparative, methods of linguacultural analysis and structural-semantic modeling, component and distributional analysis, techniques for continuous sampling of material from the biblical text, stylistic characteristics. The novelty lies in the fact that Russian-Ruthenian parallels of words and expressions from the Bible have not previously been the subject of a dedicated study. Particular attention is paid to reflecting Church Slavonic influence and identifying typological similarities. The study is integrative and multifaceted, as it is conducted within the framework of modern linguoculturology.

Keywords: *Russian language, synodal translation, Subcarpathian-Ruthenian language, archaisms, Church Slavonicisms, multi-level models, similarities and differences between biblical expressions*

Введение. Русинский язык занимает особое положение среди восточнославянских языков, поскольку неустойчивое геополитическое положение русинов влияло на развитие языка малого народа Подкарпатской Руси. Со временем в восточной Европе сформировался официальный статус русинского языка как регионального в автономном округе Сербии Воеводина, Польше, Хорватии, Венгрии. В Словакии и Сербии его преподают в общеобразовательных школах, там же работает Национальный совет и Институт культуры русин, действуют культурные центры и театры, издается журнал «Руске слово»; в Польше и Венгрии общественные организации проводят фестивали, выступают на телевидении, участвуют в радиопередачах, издают газеты «Русинскый жывот», «Бесіда», «Русинськый Світ»/ «Ruszin világ». В России и Украине русинский язык не признан региональным языком, но ученым интересны исследования в области истории, этнологии, филологии и пр. Назовем имена известных лингвистов и их научные исследования: Г. Ю. Геровский – исторический экскурс в историю языка Подкарпатской Руси (1950 гг.) [1]; Л. А. Гиндин, И. А. Калужская – славистические аспекты карпатского языкознания (1991 г.) [2]; А. Д. Дуличенко – становление и развитие русинского литературного языка в Югославии (2005 гг.) [4]; С. С. Скорвид – проблемы сравнительно-исторической и синхронной общности серболужицкого и русинского языков (2001 г.) [18]; В. Ябур, А. Плишкова – пряшевско-русинский язык и его фонетика и грамматика (2004 г.) [21]; М. М. Капраль – современные русинские литературные микроязыки (2013 г.) [7]; О. В. Ломакина, В. М. Мокиенко – русинская фразеология и паремиология (2021 гг.) [9] и др. Д. Поп исследует русинские говоры, вошедшие в состав современных словарей [11], а И. Керча является автором полного словаря русинского языка, включающего 62 тысячи слов (2007, 2012 гг.) [8]. С 2005 г. общественной организацией «Русь» (г. Кишинев, Молдова) издается единственный в мире научный журнал по истории Карпато-Днестровских земель и его коренного населения – русинов (руснаков) «Русин» (гл. редактор С. Суляк, доц. СПбГУ), в состав редакционной коллегии входят известные исследователи из России, Украины, Молдавии, Сербии.

Как видим, количество публикаций, наличие литературной нормы, словарей, образовательных программ и официального регионального статуса позволяют считать русинский язык самостоятельным языком малого народа Подкарпатской Руси. Кроме того, русинский язык обладает уникальными фонетикой, грамматикой, лексикой, фразеологией, отличающимися от русского, белорусского, украинского и других славянских языков. Как пишет А. Д. Дуличенко, уникальности языка русинов способствовал ряд факторов: «компактность среды, сложность диалектного ландшафта, религиозно-литературные традиции, наличие сильных лидеров-просветителей» [4, с. 597].

Цель исследования – на материале синодального перевода Библии на русский язык (1876 г.) и русинского текста «Свѧщенноє Писанїє Новогo Завѣта на подкарпаторускому языкови из адаптованым текстом для подкарпатськых русинôв» (2022 г.), авторами перевода которого стали филологи Института истории и филологи в Ужгороде,

проанализировать черты сходства и различия в фонетике, графике, лексике, синтаксисе, фразеологии, обусловленные диалектными и геополитическими особенностями, и выявить русско-русинские параллели, позволяющие распределить слова и выражения из Библии по степени их межъязыкового сходства, структурно-семантической близости и функциональной эквивалентности.

Актуальность исследуемой проблемы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью критического переосмысления текстологических расхождений между синодальным и древнеславянскими переводами, а также современными редакциями Библии, что позволяет выявить изменение смысла ключевых новозаветных концептов в русской религиозной традиции.

Материал и методы исследования. Материал исследования – выборки слов и выражений заявленной тематики из библейских текстов на русском и подкарпато-русинском языках. Использовались описательный метод, методы лингвокультурологического анализа, компонентного и дистрибутивного анализа, сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Подкарпато-русинский язык сохранил ряд архаичных лингвистических особенностей церковнославянского языка, и этому способствовало наличие изданных грамматик русинского языка, сохранивших уникальные черты восточнославянского микроязыка: «Грамматика» М. Смотрицкого, «Грамматика русская сирѣчъ правила извѣшательная и наставителная о словосложении славенскаго или русскаго» А. Коцака, «Grammatica Slavo-Ruthena» М. Лучкая (Попа), «Руськo-угорська или мадярська Граматика для скораго и легкаго языка сего обучения» И. Фогарашия и др. При сопоставительном анализе русско-русинских параллелей на первый план выходит необходимость иерархической систематизации, т. е. многоуровневой классификации, позволяющей распределить слова и выражения из Библии по степени их межъязыкового сходства, структурно-семантической близости и функциональной эквивалентности.

Давняя традиция сравнительно-исторического славянского языкознания связана с именем чешского «отца славяноведения» Й. Добровского, словацкого и чешского исследователя славянских древностей П. Й. Шафарика, австрийского филолога Ф. Миклошича, хорватского языковеда В. Ягича, русских славистов И. И. Срезневского, О. М. Бодянского, А. А. Кочубинского, В. И. Ламанского и др. Научные традиции продолжили современные российские ученые-филологи, историки: В. К. Журавлев, В. М. Мокиенко, А. М. Молдован, С. В. Никольский, К. В. Никифоров, Е. Н. Ремчукова, С. Г. Суляк, А. Н. Соболев, О. В. Хаванова и др. Изучение языковых параллелей стало фундаментальным методом реконструкции истории и культуры славянских народов и научным инструментом в различении между легендами и фактами.

При выделении русско-русинских параллелей отметим специфику русинского перевода: главы разделены с пометками, напр., *конец недели, утренняя, к 1 часу*; *конец литургии, к 6 часу*; *конец навечерію Богомвленим*; *пѧток 18-ии недѣлі* и пр., что закрепляет за текстом статус богослужебного и устанавливает его непосредственную роль в регламентированном церковном употреблении.

Рассмотрим пять уровней русско-русинских параллелей.

1. ***Фонетический уровень*** – уровень языковой системы, который изучает звуковую сторону речи, поскольку все языки отличаются друга от друга прежде всего звучанием (звуком, фразой, ударением и пр.).

Можно проиллюстрировать ряд системообразующих особенностей русинского языка, который создает оригинальный библейский язык, понятный местному населению. Как пишет чешский исследователь Г. Геровский, «на основании анализа всех подкарпаторусских литературных памятников литературным языком Подкарпатской Руси был сначала церковнославянский, а затем – общерусский литературный язык карпаторусской редакции, одинаково понятный носителям всех карпаторусских говоров» [1, с. 2]. Для подтверждения

такой точки зрения сошлемся на следующие факты, где древняя книжность встречается с живым народным словом.

1) Наличие «узких» вариантов гласных [э] – открытый, нормальный – и [о] – обычный, с сильным округлением губ – перед мягкими согласными или в определенных слогах, сохраняющх древнее звучание: рус. *небеса* [14, с. 18] – русин. *нєбєса* [15, с. 19]; рус. *одним* [14, с.19] – русин. *єдному* [15, с. 20].

2) Выбор между *в/во,* вызванный законами благозвучия при стечении согласных, напр.: рус. *в те дни* [14, с. 8] – русин. *во дні же оны* [15, с. 9].

3) Употребление формы, образованной от основы настоящего времени: рус. *беги* [14, с. 7] – русин. *бѣжи* [15, с. 8]. Это происходит по аналогии *я біжу, ты біжиш,* где уже есть чередование *г/ж,* сохранившееся в повелительном наклонении. Такое явление встречается в старославянском *бѣжати*, укр. *біжи,* в словенском *bežim,* в польском *bieźec*, верхнелужицком *běži* и др. [20, с.143].

4) Различия между рус. *кроткие* [14, с. 13] и русин. *кротції* [15, с. 14] объясняются разной судьбой заднеязычного согласного [к] перед гласным переднего ряда [и] в форме множественного числа именительного падежа прилагательных, т. е. явлением третьей палатализации (регрессивной ассимиляции) в чешском, словенском, украинском языках.

5) Наличие двух форм глаголов в передаче прошедшего времени. В параллели рус. *родил* [14, с. 4] – русин. *родив* [15, с. 5] прослеживаются разные пути перфекта прошедшего времени. В русском языке конструкция утратила полную связку и стала единственным способом передачи прошедшего времени действия при помощи суффикса *-л-*, в русинском языке форма прошедшего времени восходит к причастию на *-в-*, которое ранее использовалось для описания завершенного действия. В разговорном русинском используются две формы с суффиксом *-в-* (как в украинском, белорусском) и форма на *-л-* с вспомогательным глаголом (*читал єм*). Двухчастная конструкция характерна и для польского и чешского языков.

6) Различия семантических оттенков. В церковнославянском языке слово *братия* употреблялось в значении ʻмонахи одной обители’ или ʻхристиане как братство’; русинский, в отличие от рус. *возлюбил братьев своих* [14, с. 18], сохраняет собирательную форму *возлюбил братию свою* [15, с. 19], где подчеркивается братское сообщество, единство всех членов. В современном русском языке лексема *братия* употребляется в разных контекстах (иронично-шутливом, но чаще религиозном), напр.*: Студенческая* ***братия*** *так буйно готовилась к лекциям и экзаменам, что не будь рядом дежурных преподавателей – по кирпичикам разнесла бы общежитие* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998); ***Братия*** *монастыря прославилась в округе своим трудолюбием и богобоязненностью, а паломники особенно любили обитель за то, что здесь сохранился дух древних монастырей»* (А. Новикова-Строганова. Высокое назначение человека // «Дальний Восток», 2019) и др. [10]. Ср.: польск. *brat,* лат. *frater*, греч. *φρατερ,* др.-инд. *bhrata*, ирл. *brathir*, нем. *bruder*, англ. *brother.*

7) Сохранение церковнославянских форм в передаче сложных числительных. Подкарпато-русинский язык сохранил архаичную модель числительных под влиянием церковнославянской и книжной традиции, поэтому в отличие от русского *четырнадцать* [14, с. 51] в русинском – *четыренадесять* [15, с. 52]. В древнерусском числительные *одиннадцать – девятнадцать* образовывались сочетанием названия единиц + предлог *на* + форма *десять.* Со временем это сочетание стало произноситься слитно и подверглось фонетическим изменениям [5, с. 307].

8) Сохранение приставочного способа образования. Разница между рус. *пришли* [14, с. 6] и русин. *прийшли* [15, с. 7] связана с исторически меняющимися сочетаниями звуков в корне глагола *идти.* Прошедшее время (так называемое l-причастие) образовывалось от особой основы *šьl- (муж. род) или *šьd-. На самом деле *jьd- (основа настоящего времени)

и *šьl- (основа прошедшего) супплетивны. В сочетании *dj (в корне *jьd- + суффикс *-l-*) произошла палатализация. Таким образом, древняя форма для *прийти* (приставка *pri-) – *prijьšlъ. В праславянском языке инфинитив звучал как *jьti (отсюда рус. *идти*, укр. *йти*, ст.-слав. *ити*). Русский язык упростил сочетание, а русинский сохранил исторический [j] как более отчетливый показатель приставочного образования (как и украинский) [5, с. 326–327].

2. ***Графический уровень*** – это письменная фиксация речи, соотношение между буквами и звуками, правилами начертания письменных знаков. Мы отмечаем следующие различия:

1) наличие гласных [и], [и^{e}], [ы]: рус. *вопиющего* [14, с. 8] – русин. *вопіющего* [15, с. 9]; рус. *звезда* [14, с. 6] – русин. *звѣзда* [15, с. 7] (ср. укр. *звізда*, бел. *звязда*, болг. *звязда*, серб. *звезда*, словен. *zvezda*, польск. *gwiazda*, чеш. *hvězda*, с.-луж. *hvjezda*) [20, с. 85]; рус. *рыдание* [14, с. 7] – русин. *рыданіє* [15, с. 8];

2) одновременное использование славянской, русской, украинской кирилицы: рус. *порождение* [14, с. 9] – русин. *рожденіѧ* [15, с. 10]; рус. *всякое* [14, с. 113] – русин. *всѧкое* [15, с. 114]; рус. *хлеб* [14, с. 19] – русин. *хлѣб* [15, с. 20]; рус. *им* [14, с. 43] – русин. *їм* [15, с. 44]; рус. *нищие* [14, с. 13] – русин. *нїщіі* [15, с. 14]; рус. *мир* [14, с. 35] – русин. *мір* [15, с. 36] и др. Как видим, в русинской графике используется кириллица, созданная для славян еще в IX в., поэтому базовые начертания букв изначально одинаковы в русском, украинском, белорусском и русинском языках.

До XIX в. письменность русинов была тесно связана с книжной церковной письменностью. Это объяснимо геополитическими причинами: «в период усиления агрессии Венгрии и Польши против Юго-Западной Руси возникает Молдавское княжество (1359 г.), где русский (русинский) язык был официальным языком до начала XVIII в., а богослужение велось на церковнославянском языке, долгое время служило оплотом православия в Карпатской Руси» [17, с. 130]. Русины стали мощным культурным щитом и защитником традиционной веры. Поэтому изначально у русинов между книжным и разговорным языками различия не ощущались. Г. Геровский пишет о первой попытке православного священника создать толкование «Поучения на евангелия по няговскому списку» (1758 г.) на основе живого народного языка для домашнего чтения и проповедей, т. е. отказаться частично от церковнославянского языка (напр.: *сокровище – прятаня*, *подвиг – двиганя, прокаженный – поганый, никоим образом – никоим кипом* и др.): «Попытка популяризации церковных проповедей и назидательного чтения путем непосредственного использования одного из живых говоров Подкарпатской Руси осталась единственной в своем роде» [1, с. 44–45].

В России в это время царем Петром I введен гражданский шрифт[1], позже – революционная реформа правописания 1918 года[2]. В итоге русский алфавит лишился архаичных букв, а в русинском языке они сохранились.

Как видим, графические знаки, используемые в русинском переводе, отличаются от русского перевода (*єры, єр, єрь, ять, юс малый, фита, и*) и под влиянием украинского языка[3] в нем добавляются буквы Є и Ї.

3. ***Морфологический уровень*** – это строение слов и способы изменения их грамматических форм: рус. *не хлебом* [14, с. 10] – русин. *не в хлѣбѣ* [15, с. 11]; рус. *нарекутся* [14, с. 13] – русин. *наречені* [15, с. 14]; рус. *отвращайся* [14, с. 17] – русин. *отвратися* [15, с.18];

[1] В «Азбуке гражданской с нравоучениями» Петр I убрал из азбуки ряд букв, среди которых пси, кси, омега, от, юс, зело, фита, ижица.

[2] Декрет Совета Народных Комиссаров «О введении новой орфографии» от 10.10.1918 г. сократил алфавит и приблизил письмо к живому произношению.

[3] В 1830-х гг. в альманахе «Русалка Днѣстровая» для обозначения звука [je] в начале слова и после гласных официально закрепилась буква Є. В 1873 г. в киевских «Записках Юго-Западного отдела географического Общества» для точной передачи звука [ji] появилась буква Ї.

рус. *дано будет* [14, с. 45] – русин. *дастсѧ* [15, с. 46]; рус. *во всем* [14, с. 23] – русин. *всьо* [15, с. 24]; рус. *хотите* [14, с. 23] – русин. *хочете* [15, с. 24]; рус. *ветхии* [14, с. 31] – русин. *ветхі* [15, с. 31] и др.

В параллели рус. *Мы видели звезду Его на востоке и пришли поклониться ему* [14, с. 5] – русин. *Мы видѣли звѣзду Єго на Востоцѣ, и прийшли сьме поклонитися Єму* [15, с. 6] отмечаем наличие в русинском языке частицы *сьме* как остатка древнего вспомогательного глагола *быть* в настоящем времени для 1-го лица множественного числа (*мы*). В древнерусском и церковнославянском было: *есмь*, *еси*, *есть*, *есмы*, *есте*, *суть*. В русском языке эти формы прошедшего времени полностью исчезли. В русинском они сохранились в виде частиц, и прошедшее время само по себе (без вспомогательного глагола) не различает лиц. Форма *прийшли* может означать *я пришел? ты пришел? он пришел? мы пришли?* Добавление частицы *сьме* однозначно указывает на 1-е лицо множественного числа (*мы*): *Прийшли сьме = мы пришли.* Вспомогательный глагол *сьме* подчеркивает, что действие совершено именно теми, кто пришел. В украинском и белорусском таких частиц нет (там прошедшее время не различает лица без местоимения). В польском, чешском, словацком языках вспомогательный глагол обязателен (польск. *poszliśmy*, чеш. *šli jsme*, слвц. *išli sme* = мы пошли), но там он стал неотъемлемой частью глагольной формы. В русинском такой глагол факультативен, но широко употребим в литературном языке и в разговорном пряшевском и лемковском вариантах современного русинского языка (Польша, Словакия). Итак, *сьме* – это не просто грамматическая связка, а полноценный показатель лица, числа и одновременно стилистический маркер, отличающий русинский от русского, украинского и от западнославянских языков (где аналогичные элементы обязательны) [5, с. 330].

В параллели рус. *дано будет* [14, с. 45] – русин. *дастсѧ* [15, с. 46] в русском языке для выражения будущего времени глаголов несовершенного вида используется сложная форма: вспомогательный глагол *быть* в будущем времени + инфинитив основного глагола, т. е. *дано будет* – это аналогичная конструкция *будет дано*. В русинском языке используется простая форма, пришедшая из древнерусского *дастсѧ*, и по библейскому контексту она означает действие в будущем, более целостное и мгновенное.

В параллели рус. *хотите* – русин. *хоч**е́**те* русский вариант в окончаниях разноспрягаемого глагола *хотите* или глаголов 2 спряжения под ударением использует *-ите*: *хотите, говорите, держите*, в русинском сохранилась архаичная форма -е́те (как в церковнославянском или древнерусском): *глагол**е**те, держ**е**те, хоч**е**те* – при этом звук [ч] твердый, а ударение падает на второй слог.

4. ***Лексический уровень*** отображает особенности словарного состава языка и лексического значения, системные отношения в лексике, происхождение, стилистическую коннотацию, активный и пассивный запас. Рассмотрим некоторые параллели: рус. *сильнее* [14, с. 9] – русин. *крѧпкішый* [15, с. 10]; рус. *очистит* [14, с. 9] – русин. *потребит* [15, с. 10]; рус. *ладан* [14, с. 7] – русин. *ліван* (лаван на иврите означат ʿбелый, молочный’, греч ʿладанное дерево’) [15, с. 8]; рус. *осмеянный* [14, с. 108] – русин. *поруганный* [15, с. 109]; рус. *великий* [14, с. 16] – русин. *многый* [15, с. 17]; рус. *всяким словом* [14, с. 10] – русин. *всякому глаголѣ* [15, с. 11]; рус. *сделаю* [14, с. 12] – русин. *сотворю* [15, с. 13]; рус. *они* [14, с. 12] – русин. *тії* [15, с. 13]; рус. *злословить* [14, с. 13] – русин. *лжущи* [15, с. 14]; рус. *мзда* [14, с. 13] – русин. *награда* [15, с. 14]; рус. *правый глаз* [14, с. 16] – русин. *десноє око* [15, с. 17]; рус. *щека* [14, с. 17] – русин. *ланита* [15, с. 18] (ср. ст.-сл. *ланита*, ст.-чеш. *lanitva* ‘щека’, словен. *lanita)*; рус. *рубашка* [14, с. 17] – русин. *риза* [15, с. 18]; рус. *верхняя одежда* [14, с. 17] – русин. *накидка* [15, с. 18]; рус. *отдай* [14, с. 17] – русин. *отпусти* [15, с. 18]; рус. *благо творите* [14, с. 17] – русин. *добро творіть* [15, с. 18]; рус. *взгляните* [14, с. 21] – русин. *воззрите* [15, с. 22]; рус. *довольно* [14, с. 21] – русин. *доста* [15, с. 22]; рус. *поступали* [14, с. 23] – русин. *творили* [15, с. 24]; рус. *проповедует* [14, с. 33] – русин. *глаголѧ* [15, с. 34] и др.

В параллелях наблюдаются следующие особенности.

Рус. *младенец* – русин. *отроч**а*** [15, с. 7] в библейском тексте называют родившегося Иисуса и имеют схожее значение ʻгрудное дитяʼ. Для русского языка слово «отроч**а**» сохранилось в церковной литературе, «СЦСРЯ» иллюстрирует значение слова «отроча» с пометой церковнославянский: 1) *младенецъ; Пришдиша обрьъзати отроча.* (Лук. XI. 39); 2) *отрокъ* [19, с. 126]. Слово *отрок* стало книжным архаизмом, используемым в исторической литературе, в религиозных текстах, в стилизации и поэзии, в шутливых или иронических контекстах с высоким архаичным оттенком, напр.: *Мы удивляемся их разуму, их чувству, их талантам, но так, как взрослый человек удивляется иногда разуму, чувству и талантам юного* ***отрока*** (Н. М. Карамзин. Филалет к Мелодору (1795)) [10]. «СРЯ» иллюстрирует слово *отрок* двумя значениями: 1) ʻмальчик-подросток в возрасте между ребенком и юношейʼ; 2) ʻчлен младшей дружины князя в древней Русиʼ [16, т. 2, с. 707] (ср. др.-рус. – ʻслуга, работникʼ, чеш., словен. – ʻраб, холопʼ, др.-польск. – ʻработникʼ, в.-луж. – ʻслуга, работник, батракʼ (из *от-реку* – калька от лат. *in fans*) [20, т. 3, с. 172–173].

В русинском языке, как и в сербском, хорватском, словенском, слово *отроче* является нейтральным и используется в повседневной речи в значении ʻребенокʼ, ʻдитяʼ. В этих языках сохранилась древняя форма множественного числа *отрочад* (otročad ʻдетиʼ, ʻребятняʼ: серб. *Отроче плаче / Otroče plače;* хорв. *Veselo otroče;* русин. *Моє мале отрочатко спить у колысці*).

В параллели рус. *весьма* [14, с. 6] – русин. *велією* [15, с. 7] наблюдается процесс внутреннего развития русского языка и появление нейтрального местоимения *весь,* в русинском – прямое заимствование из церковнославянского, напр.: *постоянно – всегда* – русин. *всегдашне* [8, с. 139].

В русском языке употребляются причастия настоящего времени *идущий* и общеславянского *грядущий*, но коннотация предусматривает разное текстовое оформление. *Идущий* используется для описания процесса ходьбы без каких-либо дополнительных оттенков, *грядущий* стало книжным, высоким, поэтическим, торжественным. В русинском языке слово *грѧдущий* (от ц.-слав. *грясти*, что означает ʻидтиʼ, ʻшествоватьʼ, ʻприближатьсяʼ) сохранило значение не только ʻидущийʼ, но и ʻнадвигающийсяʼ [8, с. 208].

В параллели рус. *разведенная* [14, с. 69] – русин. *пущен**и**ца* [15, с. 70] явно прослеживается нейтральная и негативная коннотация. В русинском языке законсервирован евангельский запрет на отпущенную, отвергнутую женщину и сохранены церковнославянское и древнерусское слова. В русском языке «*церк.* пущеница – разведенная женщина. *Женяйся пущеницею. Прелюбы дѣтъ.* Мат. XIX.9» [19, с. 382] вышло из употребления. В. Даль приводит синонимический ряд ʻраспущенка, распущеница, разводка, отпущенная мужем жена, говорят более о татарах, евреяхʼ [3, с. 127]. В современном русском языке чаще употребляется дериват с грубой коннотацией *разведенка*, напр.: *Ну, вот опять я сама по себе, вроде мужняя жена, а на деле – одиночка, хоть ни вдова, ни солдатка, ни* ***разведенка*** (Е. Литинская. В руках Божьих // «Ковчег», 2015) [10].

В современном подкарпато-русинском используется слово *блудниця* (ср. укр. *блуд*, словен. *blôd,* чеш. *blud*): *Видиме там і жены – чуджінкы і поганкы. Рахав – **блудниця** в Єріхоні, котра прияла вывідовачів, выставила свій жывот на небезпеченство. А Бог ся їй дотулив, і она помаленькы ся приближує віров ку Богу Ізраіля* (*Єром. Маркіян ЧСВВ. «Слово» – Неділя святых Отців – неділя, 9.00 год. Lem.fm*) [6, с. 205] или *блудня, блудешка, кварниця* [8, с. 64]. Ср.: ***Разведенная** Йошими, вынужденная содержать себя и дочь, разрывается между навязанной традициями ролью матери и ролью эмансипированной работающей женщины* (Василий Корецкий. 10 японских ужасов // «Русский репортер», 2012) [10].

В параллели рус. *дом* [14, с. 6] – русин. *храмина* [15, с. 7] мы видим, как из одного древнего корня появились два разных слова. В древнерусском и церковнославянском исходным словом было *хоромы* (в ед. ч. – *хоромина*) в значении ‘деревянное строение’, ‘жилье’, ‘дом’ [20, с. 273]. От него образовались слова *храм* – 1) здание, предназначенное для совершения богослужений и религиозных обрядов; 2) место, внушающее по каким-н. причинам чувство глубокого почтения, благоговения и *храмина* – 1) дом, здание, а также комната, палата [16, т. 4, с. 623], напр.: *Ходит он Один* ***средь храмин горделивых****, Супругу милую зовет – Лишь эхо сводов молчаливых Руслану голос подает* (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила). *А «людям скудным» предлагалось «каждому хотя по древцу или ветве на вороты или над* ***храминою*** *своей поставить… а стоять тому украшению января в первый день»* (Е. Душечкина, Л. Берсенева. Три века русской елки // «Наука и жизнь», 2007) [10].

Русинский язык не сохранил слово *храмина* как обычное, бытовое слово, как нейтральный термин для любого жилища, поэтому в словарь И. Керча внесены следующие лексемы: *домінія* ‘наследственное владение’, *домовати* ‘обитать’, *домовик* ‘домовой’, *домовина* ‘родные места, отечество’, *домовитый* ‘домовитый’, *домовничать* ‘работать дворником’, *домоводка* ‘домохозяйка’ [8, с. 237–238].

5. ***Синтаксическо-фразеологический уровень*** – структура словосочетаний и предложений, правила соединения слов в более крупные устойчивые единицы.

Мы объединили два уровня в один, поскольку фразеологизмы и паремии строятся по правилам синтаксиса. Рассмотрим фразеолого-паремийные параллели со структурой словосочетания и предложения: рус. *Вы – соль земли* [14, с. 14] – русин. *Вы єсьте соль землі* [15, с. 15]; *Да, да; нет, нет* [14, с. 16] – русин. *Ай, ай; нѣт, нѣт* [15, с. 17]; рус. *Ни одна йота* [14, с. 14] – русин. *Іота єдна* [15, с.15]; рус. *ввержено в геену* [14, с. 65] – русин. *повинен єсть геєннѣ* [15, с. 66]; рус. *По плодам их узнаете их* [14, с. 23] – русин. *От плодов їх спознаєте їх* [15, с. 24]; рус. *Не может дерево доброе приносить плоды худые* [14, с. 23] – русин. *Не может дерево доброє плоды злі творити* [15, с. 24]; рус. *Дерзай, дщерь!* [14, с. 31] – русин. *Дерзай, дочко!* [15, с. 32]; рус. *Даром получили, даром давайте!* [14, с. 33] – русин. *Туне примли сьте, туне отдавайте* [15, с. 34]; рус. *Будьте как дети* [14, с. 64] – русин. *Жыйте, як діти* [15, с. 65]. Выбранные фразеологизмы и паремии различаются по внешней форме, лексическому значению компонентов, по принадлежности к стилю речи, грамматическим формам, которые частично проанализированы на других уровнях. Но объединяет их самое важное – сохранение общего сакрального смысла высказывания.

В грамматическом отношении в параллели рус. *Вы – соль земли* – русин. *Вы єсьте соль землі* мы наблюдаем следующие особенности. Русский язык чаще использует тире вместо формы глагола *быть*, напр.: *Дорогие выпускники, по традиции, в этом же зале 31 августа мы приветствуем тех, кто к нам поступил в институт, и к ним я обращаю такие слова: Вы –* ***соль земли****, вы – лучшие из тех, кто вышел из школы* (Выпуск магистров 2013 // «За науку», 2013) [10] – только в прошедшем времени употребляется связка *быть*: *Он принадлежал к избранным людям, которые* ***были солью земли*** *русской* (В. Попов. Из жизни отца Константина Шаховского // «Альфа и Омега», 2001) [10]. В русинском варианте сохраняется связка *єсьте* с книжной пометой: ***есть*** < быть; = *є* (*єм, єсьм, єсь, єсьме, єсьте*); книж. *єст* [8, с. 263].

Значительная часть фразеологизмов и паремий различается лексическими компонентами с одинаковым значением. В библейской паремии рус. *Да, да; нет, нет* [14, с. 16] – русин. *Ай, ай; нѣт, нѣт* [15, с. 17] утвердительная частица *да* имеет общ.-слав. происхождение от родственного глагола *дать*, т. е. ‘так и быть’, частица *ай* в значении ‘да’ [8, с. 46].

В параллели рус. *Даром получили, даром давайте!* – русин. *Туне примли сьте, туне отдавайте* слово *туне* – это церковнославянское наречие, означающее ‘даром’, ‘безвозмездно’,

‘напрасно’, ‘попусту’. В современном русском языке оно почти полностью исчезло и сохранилось в лексемах *тунеядство, тунеядка, тунеядец* ‘тот, кто живет за счет чужого труда, на чужой счет, бездельник, дармоед’, *тунеядный, тунеядствовать* [16, т. 4, с. 426]: *Характерно, что в СССР как в государстве, провозгласившем право на труд неотъемлемым правом человека, «**тунеядство**» стало уголовным преступлением* (И. Калинин. Человек бездействующий // «Неприкосновенный запас», 2010) [10]. А вот в русинском переводе *туне* сохранилось именно в этом евангельском контексте как норма, но в современном словаре И. Керча наречие отсутствует. Ср.: болг. *тун* ‘ложный’, *ту́не* ‘напрасно’, словен. *stúnja* ж. ‘бездельник’, *zastónj* ‘напрасно’, *obstónj* – то же, вост.-слвц. *tuńi*, польск.-силезск. *tuni* ‘дешевый, общедоступный’ [20, с. 121].

Даром получили – Туне прияли сьте – в русском варианте слово *получили* употребляется в нейтральном значении ‘взять, принять что-то вручаемое, присылаемое, выдаваемое’, в русинском слово *прияли* / *прияли* употребляется в значении ‘перебераня, перебраня, взятя’ [8, с. 226] (пер. ‘принять, заботиться, быть расположенным’ [12, с. 505]. Архаичная грамматическая конструкция *прияли сьте* (причастие + связка) сохраняет церковнославянскую традицию и ближе всех восточнославянских языков стоит к оригиналу *приясте.*

В русско-русинской параллели *Дерзай, дщерь*! – *Дерзай, дочко!* слово *дщерь* – это церковнославянский архаичный, высокий, книжный вариант слова *дочь*, который звучит из уст священника во время проповеди и сохраняет религиозную сакральность. Слово *дочь* в звательном падеже (как и в украинском, белорусском, польском) иллюстрирует обращение в живом повседневном общении, поскольку главным является не падеж, а интонация и эмоциональный контакт. В данном случае в русском переводе сохраняется архаичная форма, а в русинском переводе – разговорная речь. Ср.: болг. *дъщеря,* чеш. *dcera,* словен. *dcéra* [20, т. 1, с. 533].

В параллели рус. *ввержено в геенну* – русин. *повинен єсть геєннѣ* наблюдается различная степень ответственности. Русский вариант образно иллюстрирует страшную картину наказания, что подчеркивает абсолютную власть Бога-Судии, который может низвергнуть в *геенну* – ‘место вечных мучений (преимущественно огнем) душ умерших грешников’ [16, т. 1, с. 303]. Слово *ввержено* имеет значение: 1) с силой бросить, вкинуть куда-либо; 2) заставить испытать, пережить это состояние, чувство [12, с. 140]. Русинский вариант приближен к церковнославянскому: «А́зъ же глаго́лю ва́мъ, я́ко вся́къ гнѣ́ваяйся на бра́та своего́ всу́е пови́ненъ е́сть суду́: и́же бо а́ще рече́тъ бра́ту своему́: рака́, пови́ненъ е́сть со́нмищу: а и́же рече́тъ: уро́де, *пови́ненъ е́сть гее́ннѣ о́гненнѣй*» [13, с. 74–75]. Слово *повинен* переведено как ‘повиноваться, беспрекословно подчиняться’ [12, с. 159–160], т. е. подчеркнута неотвратимость личной ответственности за нравственную вину. Как видим, русский вариант пугает последствиями, русинский – указывает на корень совершенного аморального поступка.

Выводы. На основании впервые проведенного нами сопоставительного анализа и выявления русско-русинских параллелей на основе синодального перевода Библии на русский язык и перевода текста «Свѧщенноє Писанїє Нового Завѣта на подкарпато-руському языкови из адаптованым текстом для подкарпатськых русинôв» были выявлены сходства и различия выбранных для сравнения слов и выражений. Полезность и эффективность такого вида деятельности очевидна. Установлено, что оба варианта текста восходят к общему исходному источнику – греческим и древнееврейским библейским оригиналам, переложенным в контексте православной традиции. При этом русинский вариант демонстрирует выраженную преемственность по отношению к церковнославянскому языку, сохраняя архаичные лексемы, синтаксические конструкции и фразеологические обороты, восходящие к кирилло-мефодиевскому наследию.

В то же время русинский библейский текст проявляет типологическую близость не только с русским, но также с украинским, польским, чешским, словенским и другими славянскими языками. Эта многоплановая близость отражает промежуточное положение русинского языка в славянском языковом континууме: с одной стороны, он связан с восточнославянским ареалом (включая русский и украинский), с другой – демонстрирует параллели с южнославянскими языками. Мы считаем, что православие как основа русской и русинской культур обогатило современные языки словами и выражениями из Библии. Различия на фонетическом, графическом, морфологическом, лексическом и синтаксическо-фразеологическом уровне показали, что все языковые единицы сохранили общее духовное смысловое значение священного текста для русского и русинского народов, и большая часть русинских слов понятна и идентична с русским языком. «Анализ конкретного русинского материала в сопоставлении с украинским, русским, словенским и чешским обнаруживает как собственно языковое, так и лингвокультурологическое сходство» [9, с. 16]. Это свидетельствует о духовном единстве на основе общего понимания библейского текста. В целом можно резюмировать, что слова и выражения из Библии в русском и подкарпато-русинском переводах, несмотря на сформировавшееся в течение нескольких веков единое вероисповедание – православие, демонстрируют не универсальность, а этнокультурные особенности как в русском, так и в подкарпато-русинском тексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Геровский Г. Ю.* Язык Подкарпатской Руси. – М. : Б. и., 1995. – 93 с.
2. *Гиндин Л. А.*, *Калужская И. А.* Славистические аспекты карпатского языкознания // Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1991. – С. 187–188.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М. : РИПОЛ классик, 1981. – Т. 4 (Р-Я). – 672 с.
4. *Дуличенко А. Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира: Славянские языки. – М. : Academia, 2005. – С. 595–615.
5. *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. – 3-е изд., перераб., дополн. – М. : Просвещение, 1990. – 400 с.
6. *Игнатьева Н. Д.*, *Лонкин С. А.*, *Мокиенко В. М.*, *Никитина Т. Г.*, *Росова Н. А.*, *Шкуран О. В.* Большой русско-белорусско-украинско-русинский словарь библеизмов. – СПб. : СПбГУ, 2025. – 1655 с.
7. *Капраль М. М.* Современные русинские литературные микроязыки // Studia Slavica. – 2013 – Т. 58/1. – S. 87–100.
8. *Керча И.* Русинско-русский словарь : в 2-х т. – Ужгород : ПолиПринт, 2007.
9. *Ломакина О. В.*, *Мокиенко В. М.* Очерки русинской фразеологии. – М. : РУДН, 2021. – 97 с.
10. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL : www: ruscorpora.ru (дата обращения: 08.05.2026).
11. *Поп Д.* Русинско-украинско-русский и русско-русинско-украинский фразеологические словари. – Ужгород : Б. и., 2011. – 241 с.
12. Полный церковнославянский словарь: (с введением важнейших древнерусских словарей. слова и выражения): [около 30 000 слов]: руководство / сост. священ. Григорий Дьяченко. – [Репр. переиздание 1900 г.]. – М. : Отчий дом, 2004 (ОАО «Можайский полигр. сост.»). – 1120 с.
13. Свѧтоє Єѵангелїє. – М. : Благовест, 2020. – 606 с.
14. Святое Евангелие. – М. : Сибирская Благозвонница, 2019. – 383 с.
15. Свѧщенноє Писанїє Нового Завѣта на подкарпато-руському язикови из адаптованым текстом для подкарпатськых русинôв. – Ужгород : Інститут Історії и Філології в Ужгородѣ, 2022. – 463 с.
16. СРЯ – Словарь русского языка. В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1985–1988.
17. *Суляк С. Г.* Русины: из истории православной традиции // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». – 2011. – Вып. 3. – С. 130–134.
18. *Скорвид С. С.* Серболужицкий (серболужицкие) и русинский (русинские) языки: к проблематике их сравнительно-исторической и синхронной общности // Исследование славянских языков в русле традиций сравнительно-исторического и сопоставительного языкознания. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. – С. 110–115.
19. СЦСРЯ – Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный Вторымъ отделениемъ Императорской Академіи наук. – СПб., 1847. – Т. III. – 390 с.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка в 4-х т.– М. : Прогресс, 1986–1987.
21. *Ябур В.*, *Плїшкова А.* Сучасный русиньскый списовный язык: высокошкольскый учебник. – Пряшів : Інштітут русиньского языка і културы Пряшівской універзіты, 2009. – 212 с.

Статья поступила в редакцию 12.05.2026

REFERENCES

1. Gerovskij G. Yu. Yazyk Podkarpatskoj Rusi. – M. : B. i., 1995. – 93 s.
2. Gindin L. A., Kaluzhskaya I. A. Slavisticheskie aspekty karpatskogo yazykoznaniya // Slavistika. Indoevropeistika. Nostratika. – M. : Institut slavyanovedeniya i balkanistiki, 1991. – S. 187–188.
3. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. – M. : RIPOL klassik, 1981. – T. 4 (R-Ya). – 672 s.
4. Dulichenko A. D. Malye slavyanskie literaturnye yazyki (mikroyazyki) // Yazyki mira: Slavyanskie yazyki. – M. : Academia, 2005. – C. 595–615.
5. Ivanov V. V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. – 3-e izd., pererab., dopoln. – M. : Prosveshchenie, 1990. – 400 s.
6. Ignat'eva N. D., Lonkin S. A., Mokienko V. M., Nikitina T. G., Rosova N. A., Shkuran O. V. Bol'shoj russko-belorussko-ukrainsko-rusinskij slovar' bibleizmov. – SPb. : SPbGU, 2025. – 1655 s.
7. Kapral' M. M. Sovremennye rusinskie literaturnye mikroyazyki // Studia Slavica. – 2013 – T. 58/1. – S. 87–100.
8. Kercha I. Rusinsko-russkij slovar'. V 2-h t. – Uzhgorod : PoliPrint, 2007.
9. Lomakina O. V., Mokienko V. M. Ocherki rusinskoj frazeologii. – M. : RUDN, 2021. – 97 s.
10. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs. – URL : www: ruscorpora.ru (data obrashcheniya: 08.05.2026).
11. Pop D. Rusinsko-ukrainsko-russkij i russko-rusinsko-ukrainskij frazeologicheskie slovari. – Uzhgorod : B. i., 2011. – 241 s.
12. Polnyj cerkovnoslavyanskij slovar': (s vvedeniem vazhnejshih drevnerusskih slovarej. slova i vyrazheniya): [okolo 30 000 slov]: rukovodstvo / sost. svyashchen. Grigorij D'yachenko. – [Repr. pereizdanie 1900 g.]. – M. : Otchij dom, 2004 (OAO «Mozhajskij poligr. sost.»). – 1120 s.
13. Svѧtoє Є҃vangelïє. – M. : Blagovest, 2020. – 606 s.
14. Svyatoe Evangelie. – M. : Sibirskaya Blagozvonnica, 2019. – 383 s.
15. Svѧshchennoє Pisanïє Novogo Zavѣta na podkarpato-rus'komu yazykovi iz adaptovanym tekstom dlya podkarpats'kyh rusinôv. – Uzhgorod : Institut Istoriï i Filologiï v Uzhgorodѣ, 2022. – 463 s.
16. SRYa – Slovar' russkogo yazyka. V 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – M. : Russkij yazyk, 1985–1988.
17. Sulyak S. G. Rusiny: iz istorii pravoslavnoj tradicii // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Istoriya i filologiya». – 2011. – Vyp. 3. – S. 130–134.
18. Skorvid S. S. Serboluzhickij (serboluzhickie) i rusinskij (rusinskie) yazyki: k problematike ih sravnitel'no-istoricheskoj i sinhronnoj obshchnosti // Issledovanie slavyanskih yazykov v rusle tradicij sravnitel'no-istoricheskogo i sopostavitel'nogo yazykoznaniya. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. – S. 110–115.
19. SCSRYa – Slovar' cerkovnoslavyanskago i russkago yazyka, sostavlennyj Vtorym" otdeleniem" Imperatorskoj Akademii nauk. – SPb., 1847. – T. III. – 390 s.
20. Fasmer M. Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka v 4-h t.– M. : Progress, 1986–1987.
21. Yabur V., Plïshkova A. Suchasnyj rusin'skyj spisovnyj yazyk: vysokoshkol'skyj uchebnik. – Pryashiv : Inshtitut rusin'skogo yazyka i kultury Pryashivskoj univerzity, 2009. – 212 s.

The article was contributed on May 12, 2026

Сведения об авторе

Шкуран Оксана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, https://orcid.org/0009-0006-1761-9995, oksana.shkuran@mail.ru

Author Information

Shkuran, Oksana Vladimirovna – Candidate of Philology, Associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Medical Institute, RUDN University, Moscow, Russia, https://orcid.org/0009-0006-1761-9995, oksana.shkuran@mail.ru